

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Н.Е. ТИХОНОВА***Социокультурная модернизация в России
(Опыт эмпирического анализа)****Статья 1***

В условиях быстро изменяющегося и глобализирующегося мира, вступающего в последние десятилетия в новый этап своего развития, остро встает вопрос о том, какую роль сможет играть Россия на международной арене. Ответ на него напрямую связан с успешностью завершения процессов модернизации как российской экономики, так и российского общества в целом.

В этой связи надо сказать, что в последние годы все большее число исследователей из разных областей научного знания начинают работать в рамках модернизационной парадигмы. Так, экономические аспекты этой проблематики раскрываются в работах О. Бессоновой, Н. Зарубиной, Ю. Латова, Р. Нуреева, Н. Плискевич, В. Римского, С. Циреля, Г. Явлинского, Е. Ясина и др. Применительно к анализу этнополитических процессов в рамках этой парадигмы работают Э. Паин и Л. Дробижева, с изучением модернизации социокультурной сферы и институтов связаны прежде всего имена А. Ахиезера, Т. Заславской, С. Кирдиной, В. Красильщикова, Н. Лапина, В. Ядова, демографическими аспектами модернизации занимаются А. Вишневский, С. Захаров и др. Появляются и исследования по таким нетрадиционным аспектам модернизационных процессов, как, например, социально-экологическая модернизация (О. Яницкий). Все это свидетельствует о том, что растущий интерес к проблематике модернизации лежит в русле общего мейнстрима развития научной мысли в России.

При этом логика соответствующих исследований в России такова, что центр внимания постепенно смещается к проблемам социокультурной модернизации¹, где все большее число ученых начинают усматривать причину торможения экономических (и не только экономических) реформ. В научных дискуссиях по этой проблематике все

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту "Социокультурная модернизация России как фактор повышения конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире (субъектный подход)", осуществляемому при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного фонда (проект № 06-03-00558а).

¹ Под социокультурной модернизацией я подразумеваю формирование определенного типа сознания и детерминированных им поведенческих практик индивидов, протекающее во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных институтов.

чаще звучит предположение о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к состоянию таких сфер жизни общества, как экономика и политика. При этом в центре внимания исследователей обычно находятся процессы, разворачивающиеся на макроуровне. Однако место России в глобализирующемся мире связано не только с проводимыми на макроуровне экономическими и социальными преобразованиями, но и с качеством ее человеческого потенциала, со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Соответственно, без анализа процессов, идущих на микроуровне, невозможно ответить на вопрос о том, насколько успешно Россия может справиться с вызовами, стоящими перед ней на современном этапе.

Пока лишь немногие научные коллективы пытаются работать с проблематикой социокультурной модернизации России на основе анализа данных социологических опросов. В качестве такого рода исключений в первую очередь следует назвать работы Лапина, Ядова и др., занимающихся проблемой динамики ценностей россиян и особенностей их идентичности, а также труды В. Магуна, занимающегося проблематикой трудовых мотиваций. Стоит упомянуть в этом контексте и психологов – В. Чеснокову (К. Касьянову), Н. Лебедеву и др. Тем не менее речь в любом случае идет лишь об отдельных, во многом пионерных эмпирических исследованиях.

Отчасти это понятно – довести теорию макроуровня, к числу которых относится и концепция модернизации, до микроуровня с соответствующей операционализацией и выделением конкретных индикаторов модернизированности сознания и поведения населения невероятно сложно. Тем не менее без такого рода операционализации и последующей оценки ситуации в России на базе эмпирических данных все дискуссии на эту тему будут носить поневоле абстрактный характер. А это значит, что *проблема выделения индикаторов модернизированности сознания и поведения человека вообще и каждого россиянина в частности должна рассматриваться как важная теоретическая и методологическая задача, заслуживающая самостоятельного изучения*. Пока это недостаточно осознано научной общественностью (впрочем, в такой же степени, как и необходимость формирования системы индикаторов модернизированности общественных институтов).

В этой связи стоит напомнить, что отсутствие на микроуровне предпосылок для благополучного завершения общего процесса модернизации, в том числе в экономической сфере, уже само по себе предопределяет возможность так называемого "ренессанса фундаментализма" – ведь именно в системе ценностей и норм, разделяемых индивидами на микроуровне, находят отражение ценности и нормы, на которых основываются различные социальные институты. В России эта проблема стоит сегодня как никогда остро, хотя впервые проблематика социокультурной модернизации оказалась в центре внимания научного сообщества еще в середине 1990-х гг., когда стало ясно, что все попытки проведения экономических реформ по либеральному образцу приводят к совсем иным результатам, чем ожидалось их инициаторами, и возник вопрос о причинах сложившейся ситуации. Однако в конце 1990-х и начале 2000-х гг. представлялось, что речь идет прежде всего о "наследии советской эпохи", с которой обычно связывались характерные для россиян патерналистские ожидания, отсутствие экономической рациональности мышления, господство конформистских установок и т.п. Многим тогда казалось, что по мере вступления в жизнь новых поколений пресловутые патернализм, конформизм и т.д. уйдут в прошлое. Развитие событий разрушило эти ожидания, а восстановление к середине текущего десятилетия господства явно не характерной для обществ современных типов модели "власти-собственности" (см., например, [Нуреев, Рунов, 2002; Плискевич, 2006]), не просто вновь обострило проблему социокультурных особенностей России, но и перевело ее анализ в иную плоскость.

Так, в ходе активно идущих сейчас дебатов муссируется тезис, что Россия – особая цивилизация, которая развивается своим путем. Но это не снимает с повестки дня во-

прос о том, что же в реальности характеризует эту цивилизацию как на уровне ценностей, норм, поведения ее представителей, так и на уровне функционирования во многом взаимообусловленных этими ценностями и нормами институтов. Неясным при такой общей посылке остается и то, что в ценностях и нормах современных россиян идет от особенностей цивилизации, что от общего уровня экономического и социального развития российского общества и специфики его прошлого развития (в частности, от того, что экономическая модернизация России в XX в. проводилась при опоре на социокультурный традиционализм [Вишневский, 1998]), а что от тех трудностей, с которыми сталкиваются сегодня россияне и на которые они не могут не давать соответствующих реакций в виде ситуационной коррекции базовых ценностей, норм и типов поведения. В рамках этого общего подхода можно говорить и о том, что для России как особой цивилизации характерно постоянное сосуществование традиционалистских и либеральных начал, но тогда органично встает вопрос, насколько широко представлены носители той и иной традиции в российском обществе. Таким образом, в любом случае обращение к цивилизационным особенностям России не снимает вопрос о социокультурной специфике современных россиян, а лишь добавляет в него новые грани и аспекты.

Не претендуя, разумеется, на решение этой поистине необъятной задачи, попробую в порядке постановки проблемы и некоторой "информации к размышлению" предложить свое видение того, что могло бы выступать в качестве индикаторов эмпирического измерения нашей специфики, а затем продемонстрирую, к каким выводам приводит применение их на практике. Сразу оговорюсь, что в основе их выделения лежит проведенный нашей исследовательской группой² детальный анализ полуторавековой истории формирования концепции модернизации и тех признаков, которыми общества модерна отличаются от обществ традиционного типа.

Учитывая многообразие трактовок модернизации, начну с того, что здесь под понятием модернизации подразумевается *тот скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого ранее аграрные, традиционные общества становятся современными, "модернизированными"*. В понятие модернизации в этом случае включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, секуляризации, смены типа демографического поведения и т.д. И хотя характеристики сути этого перехода и определение самого модернизированного общества как результата процесса модернизации у разных авторов различны, многие его черты значимы для всех, кто так или иначе занимались этой проблематикой. Отмечу в этой связи также, что хотя в широкое употребление само понятие "модернизация" было введено лишь в 1950-х гг., в основе концепции модернизации лежат выдвинутые еще на первом этапе ее развития идеи К. Маркса, М. Вебера, О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса и других классиков социологической мысли [Тихонова... 2007^а].

В таблице 1 представлены результаты систематизации их взглядов на основные особенности обществ традиционного и современного типа, позволяющие ставить вопрос о дальнейшей операционализации признаков модернизированности. Как видим, первоначально в центре внимания развития этой концепции находились те особенности произошедшего при переходе от аграрных к индустриальным обществам социального скачка, которые во многом обуславливались именно социокультурными его аспектами. Впоследствии, вплоть до 1950-х гг., интерес к проблематике модернизации ослабел. Однако в середине прошлого века она вновь вышла на авансцену [Тихонова... 2007^б]. Инициаторами этого выступила группа американских социологов-функционалистов, с работами которых и стала ассоциироваться для многих концепция мо-

² Речь идет о возглавляемом мной коллективе в составе В. Аникина, С. Горюновой, Н. Давыдовой, Ю. Лежниной, Ю. Овчинниковой, К. Хромова.

**Соотношение особенностей традиционных и современных обществ
в работах классиков социальной мысли**

Традиционные общества	Современные общества
Воспроизводство сложившейся системы общественных отношений и типа личности в неизменной форме*	Прогресс ради неких внешних целей, характер которых может меняться, и появление типа личности, ориентированной на саморазвитие, свободу и достижения
Экономика играет подчиненную роль, главное – политические, социальные и т.п. стороны жизни общества	Экономика и интересы ее развития начинают играть ведущую роль, главным становится производство прибыли и экономическая эффективность деятельности
Человек – часть природы, а природа – главное условие его жизни, и в качестве таковой сакральна	Природа – инструмент для деятельности человека, десакрализация и коммерциализация природы
Основа производства – природа, земельная собственность как доминирующая форма собственности	Основа производства – капитал в различных его формах
Основное производство сосредоточено в сельской местности	Основное производство сосредоточено в городах, наступление индустриальной эпохи
Доминирование общественной (общинной) собственности на средства производства, а при азиатском способе производства – и персонификация в высшем собственнике единого начала общности и превращение отдельного члена общины лишь во временного владельца части общей собственности	Доминирование частной собственности на средства производства и легитимность только основанного на их юридическом оформлении прав частного собственника
Труд как способ выживания, но не носящий отчужденный характер, и возможность самореализации в труде на себя	Труд как средство заработка, его отчуждение и, одновременно, формирование новой мотивации к труду как внутреннему долгу и легитимной основе успеха в обществе
Деление мира на "своих" и "чужих" и гомогенность интересов внутри общины	Усложнение картины мира за счет осознания плюрализма интересов и идеологий внутри "своего" сообщества и размывание дихотомии "Мы"–"Они", превращение ее в ситуационную
Аскриптивность большинства социальных статусов и жесткая связь жизненных траекторий с исходным социальным статусом	Рост роли приобретаемых статусов, плюрализация возможных жизненных траекторий и утрата ими жесткой связи с аскриптивными статусами
Господство непосредственно эмоциональных отношений	Отношения между людьми приобретают функционально ролевой характер
Насилие как форма производственной деятельности, доходящая до милитаристической организации общества	Переход к системе договорных отношений с развитием систем и правил обмена, замена "военного" общества "промышленным"
Преобладание аффективного и традиционного типов действия	Преобладание ценностно-рациональных и целерациональных действий
Коллективная ответственность общины, индивидуальный фатализм, конформизм, внешний локус-контроль	Личная ответственность индивида, развитие индивидуализма, неконформизма, внутренний локус-контроль

Традиционные общества	Современные общества
Доминирование традиций, принципа обычного права и авторитарной системы управления как основы стабильности общества	Рационально разработанное, "писаное" право и система институтов его реализации, включая рост бюрократии, как основные механизмы социального контроля
Патриархальная (сословная и т.д.) система организации общества	Классовая система организации общества
Доминирование религиозного сознания, "мета-физическое развитие разума"	Секуляризация общественного сознания, рост роли научного знания
Приоритет интересов общности	Приоритет интересов личности и формирование понятия прав человека
"Механический" тип солидарности и функциональная универсальность человека	"Органический" тип солидарности и функциональная дополняемость
Отсутствие альтернатив выбора и ретрансляция образцов поведения и мировосприятия из поколения в поколение	Резкий рост степеней свободы

* Фоном выделены те позиции, которые имеют отношение к социокультурной модернизации. Именно их операционализация и была проведена в ходе нашего исследования, что позволило оценить этап продвижения России по пути социокультурной модернизации.

дернизации как таковая. В этот период список признаков обществ традиционного типа и, соответственно, обществ модерна был значительно расширен прежде всего за счет включения в их число ряда характеристик, связанных с технологическими и политическими аспектами развития общества. Например, именно тогда одним из важных критериев модернизации стало выступать представление о демократической организации общества как оптимальной форме согласования плюрализма интересов. В то же время такое расширение сопровождалось потерей концепцией модернизации глубины, характерной для первого этапа ее развития. Следствием этого стало игнорирование реальных противоречий процесса модернизации и многообразия ее возможных моделей и путей.

В середине 1980-х гг. теория модернизации в очередной раз значительно видоизменилась. Для этого этапа характерен не только отказ от идеи однолинейного развития мира, но и тесно связанный с этим рост внимания к роли национальных культур в выборе путей модернизации, а следовательно, и перенос акцентов с технологических и политических аспектов модернизации на ее социокультурные аспекты. Этому переосмыслению сути процесса модернизации способствовало и понимание того, что модерн – отнюдь не "венце истории", что западный мир сам вступает в новый этап своего развития, для которого характерен отказ от многих из тех ценностей, ранее казавшихся безусловным достижением идеи прогресса, экономической рациональности и т.д. (см. табл. 2).

Для эмпирических исследований в области модернизации это означало необходимость учета того факта, что в реальной действительности процессы модернизации вообще и социокультурной модернизации в частности сопровождаются одновременно протекающим процессом освоения ценностей и поведенческих практик как модерна, так и постмодерна. Особенно значимо это обстоятельство для России, где и сегодня

Соотношение некоторых характерных особенностей эпохи модерна и постмодерна

Модерн ("индустриальное", "капиталистическое", "экономическое" общество)	Постмодерн ("постиндустриальное", "информационно-сетевое", "постэкономическое" общество)
Национальные экономики	Формирование глобального рынка
Производство – основа развития общества	Потребление – основа развития общества
Массовое производство одинаковых вещей (фордизм)	Переход от массового производства к гибким производствам и замещение массового рынка микрорынками
Понимание рабочей силы как вторичного элемента производства	Возникновение понятия человеческого капитала и резкий рост его роли в ряду остальных факторов производства
Однолинейность развития мира	Многовариантность развития мира
Иерархия культур с выделением эталонных	Признание равноценности культур
Идея единой культуры общества, объединенной общей системой ценностей; культурная универсализация и ассимиляция	Идея культурного плюрализма и фрагментированности культур даже внутри одного общества, признание субкультур нормой
Вера в будущее, в прогресс	Скепсис в отношении будущего и отрицание прогресса
Вера в познаваемость мира и всемогущество науки	Сомнение в возможностях науки улучшить мир и сужение круга функций науки
Позитивизм как общенаучная парадигма, расчеты и математическое моделирование как ведущие методы анализа	Интерпретивизм как доминирующий подход в социальных науках, нелинейность и вероятностный характер мира, качественные методы исследований
Классы и вертикальная стратификация общества, самоидентификация через профессиональный статус	Стили жизни и горизонтальная стратификация общества, самоидентификация через внепроизводственные статусы
Доверие государству, <i>Welfarestate</i>	Неолиберализм, акцент на обязанности личности
Потребление как удовлетворение природных потребностей	Потребление как форма самореализации и легитимный смысл жизни
Труд как необходимость	Труд как форма самореализации

еще представлены все хозяйственные уклады – от кочевого скотоводства до высоких технологий и где доля россиян, прошедших первичную социализацию в условиях сельской культуры, превышает половину населения при одновременном наличии миллионов потомственных представителей городской культуры.

Вот почему в рамках решения задачи операционализации индикаторов социокультурной модернизации был использован не только приведенный выше набор признаков традиционных и современных обществ, но и некоторые особенности обществ постмодерна, связанные с мотивацией и ценностями личности. При этом самостоятельной и непростой в методологическом отношении задачей стало определение того, что стоит за тем или иным индикатором, и свидетельствует ли он о сохраняющемся господстве традиционалистских представлений, об утверждении

постмодернистских ценностей или вообще отражает специфические особенности национальной культуры³.

По итогам этой работы был выделен 21 индикатор степени модернизированности сознания и поведения россиян, отражавший такие характеристики респондентов, как ориентация на саморазвитие, свободу и достижения как характерные особенности возникающего в ходе модернизации нового типа личности; особенности их мотивации к труду; осознание существования плюрализма интересов индивидов и социальных групп и степень толерантности к этому плюрализму; представление о демократической организации общества как оптимальной форме согласования плюрализма интересов; преобладание рационально обусловленных действий прежде всего в сфере экономических решений; личная ответственность индивида за свою судьбу и внутренний локус-контроль; развитие индивидуализма и неконформизма; приоритет интересов личности в дилемме личность – общество; формирование понятия прав человека; отношение к традиции и к писаному праву; отношение к частной собственности; отношение к роли государства в обществе и экономике; отношение к природе как "неорганическому телу" человека, которое не может быть объектом купли-продажи, а является естественной предпосылкой жизни общности; отношение к функционально-ролевому распределению полномочий по линии руководитель–подчиненный и построению неформальных вертикалей, строящихся на авторитете, и т.д.⁴

Что же, отталкиваясь от эмпирических данных, можно сказать об особенностях, динамике и перспективах социокультурной модернизации в России? Зафиксирую сначала, в качестве отправных точек дальнейшего анализа, некоторые особенности социокультурной специфики России, к которым я пришла по итогам исследований первой половины 2000-х гг. (об эмпирических основаниях этих выводов см. [Тихонова, 2001; 2005; 2006]).

Итак, социокультурная специфика России связана прежде всего с господством в ней особой модели взаимоотношений общества, личности и государства, выступающей разновидностью моделей, характерных для традиционалистских обществ, хотя и вступивших уже в эпоху своего разложения. Сами россияне очень хорошо понимают, что

³ Не останавливаясь на этом подробно, отмечу лишь, что формирование списка индикаторов модернизированности сознания и поведения россиян включало в себя несколько этапов. На первом были проверены с точки зрения особенностей распределения ответов на них все вопросы анкеты исследования 2005 г., которые гипотетически могли свидетельствовать о наличии у респондентов особенностей сознания и поведения, характерных для традиционных обществ или обществ модерна. Затем часть переменных была исключена из списка, так как в современных российских условиях оказалась не связана с процессами модернизации (например, выбор в дилемме, кого государство должно поддерживать в первую очередь – высокотехнологичные или добывающие отрасли, или убеждение в праве каждого отстаивать свое мнение). По итогам проверки был сформирован список вопросов, которые гипотетически могли выступать как индикаторы степени модернизированности сознания и поведения респондентов. Затем с помощью кластерного анализа были сформированы однородные кластеры, содержательная интерпретация которых давала основания говорить о том, что выбранные переменные подходят для анализа степени социокультурной модернизированности сознания и поведения респондентов. При этом большая часть переменных попала в "ядра" соответствующих кластеров, а часть оказалась периферийными и была исключена из дальнейшего анализа. Целесообразность исключения из итогового списка всех спорных переменных подтвердила и статистическая проверка силы связей их как с выделенными кластерами, так и с переменными, наиболее значимыми в рамках каждого из построенного на их основе индексов. Выделенные индикаторы рассматривались как критерии степени модернизированности сознания и поведения также применительно к массивам данных других опросов, что позволило получить дополнительный эмпирический материал по этой проблематике.

⁴ Эмпирической базой анализа выступали исследования Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии РАН "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" (1998, 2004, 2007 гг.), "Собственность в жизни и восприятии россиян" (2005 г.), "Городской средний класс в современной России" (2006 г.). Все исследования проводились по общероссийской выборке численностью от 1750 до 3000 человек, репрезентировавшей население страны по региону проживания, типу поселения и полу. При этом исследования 2005 и 2007 гг. репрезентировали население страны также по возрасту, а выборка остальных исследований строилась таким образом, что в нее не попадали респонденты старше 65 лет.

российская модель взаимоотношений общества, личности и государства имеет значительные отличия от западноевропейской, и уже поэтому любые реформы по западному образцу в России невозможны.

При этом, с одной стороны, они в большинстве своем убеждены в необходимости реформирования страны, продвижения ее по рыночному пути, не хотят возвращения к плановой экономике и считают важными многие демократические ценности, но с другой – все это не означает для них проведения реформ по западному пути развития. В последнем их не устраивает прежде всего иное понимание того, "что такое хорошо и что такое плохо", отличающееся от западноевропейского прежде всего *приоритетом интересов общества, выразителем которых выступает государство, над интересами личности. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни и разрешения конфликтов хотя и важны для значительной части россиян, все же не являются для них решающими. Интересы макрообщности – общества, народа, страны – в ней превыше интересов отдельных людей.*

Государство – инструмент реализации интересов этой общности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или население отдельных регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а *государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности.* Именно в силу права и долга государства представлять интересы общности граждане, партии и т.п. должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, если это нужно для общества в целом, даже если это ведет к нарушению их гражданских прав.

Однако мы имеем не жестко тоталитарную или авторитарную модель, а "смягченный" ее вариант, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение, но даже настаивать на нем с помощью забастовок и демонстраций. Единственное, что может служить основанием, да и то отнюдь не безусловным, для ограничения этого права – угроза общественному порядку. Дело оппозиции, которая обязательно должна существовать в рамках этой модели, – не конкурировать за власть, а контролировать правильность поведения "власти" в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главным для всех деле.

Эта модель в ее современном российском варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она *носит консенсусный характер и предполагает, что каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет другая сторона.* Главные функции государства в рамках этой модели – не только адекватно выражать текущие и стратегические интересы макрообщности, но и заботиться о минимальных текущих нуждах членов общности. Последовательная реализация этих функций – основа всей этой системы отношений, легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их "послушания", что в целом укладывается в систему патерналистских отношений в их патрон-клиентской форме.

Это, конечно, *принципиально иная модель взаимоотношений личности и государства, нежели существующая в Западной Европе, где государство заботится не об абстрактном "благе народа", а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом.* Причем модель эта очень устойчива и доминирует в общественном сознании россиян по крайней мере на протяжении всего последнего десятилетия. Из нее органично вытекают неправовой и неэкономический характер сознания россиян, особая роль авторитетов в механизме саморегуляции общности и т.п., наложившие серьезный отпечаток на все социально-экономическое развитие России последних десятилетий.

Однако общественное сознание в сегодняшней России не монолитно, и в этом плане правы те авторы, и прежде всего А. Ахиезер, которые говорят о противоречии тради-

**Представления россиян 16–65 лет о том, какие социальные силы способствуют,
а какие – препятствуют развитию России (1998–2007 гг. в %)***

Варианты ответа	Способствуют развитию		Препятствуют развитию		Трудно сказать	
	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.
Предприниматели	61	69	16	11	24	20
Интеллигенция	74	73	6	8	21	19
Рабочие	85	89	2	3	13	8
Крестьяне	80	82	4	5	16	13
Молодежь	63	77	7	5	30	18
Крупные банки	45	59	19	14	36	27

* Жирным шрифтом в таблице выделены позиции, изменения в оценках по которым (прежде всего, за счет сокращения числа неопределившихся) превысили за 10 лет 5%, а курсивом – лидеры списка.

ционалистского и либерального начал как базовой характеристики российского общественного сознания. Однако "ядра" групп – носителей соответствующего типа сознания относительно невелики, и около половины всех россиян можно отнести к промежуточному типу сознания. Это выступает наглядным проявлением и "промежуточного" характера нынешней эпохи, отражающего неустойчивость сложившейся ситуации.

Учитывая все эти обстоятельства, посмотрим теперь, как за последнее десятилетие эволюционировали взгляды россиян по краеугольным позициям, характеризующим специфику их ценностей и норм прежде всего в экономической сфере; как изменились пропорции носителей тех или иных типов мировоззрения среди российского населения и можно ли говорить о том, что в российском обществе сегодня есть группы, способные выступать субъектами социокультурной модернизации.

Начну с краеугольного вопроса, обеспечивающего легитимность сохранения модели "власть-собственность" в сознании россиян – вопроса о роли государства вообще и в экономике в частности.

Обращаясь к взглядам россиян на проблемы оптимальной модели хозяйствования и роли в ней государства, надо прежде всего отметить, что *хотя данные всех исследований позволяют говорить о толерантности россиян к институтам рыночной экономики, их готовность к принятию "правил игры" современной рыночной экономики не стоит абсолютизировать*. Да, российское население все шире принимает рыночную модель развития, а основные ее акторы в сегодняшней России все более легитимны для общественного сознания. Из таблицы 3 видно, что за последнее десятилетие заметно выросло убеждение в том, что развитию России способствуют предприниматели, банки. Тем не менее и сегодня ведущую роль в развитии России для общественного сознания играют рабочие и крестьяне, более того – это убеждение лишь усиливается, хотя и не столь быстрыми темпами, как оценка роли банков и предпринимателей.

Этот рабоче-крестьянский вектор восприятия движущих сил развития России в эпоху экономики знаний и глобализации с соответствующим обострением международной конкурентной борьбы за занятия тех или иных позиций в международном разделении труда уже сам по себе многое говорит о мировоззрении россиян. О том же, что это можно отнести к социокультурной специфике России, а не "наследию советской эпохи", свидетельствует тот факт, что данная позиция является для общественного сознания консенсусной – во всех возрастных группах наиболее распространена точка зрения, что развитию России способствуют в первую очередь рабочие и крестьяне.

Учитывая сказанное, неудивительно, что та модель развития рыночной экономики, которая представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоэффективными моделями рыночной экономики и может быть условно охарактеризована скорее как "государственный капитализм". Это естествен-

Динамика мнений россиян 16–65 лет о том, какие отрасли должны управляться государством, а где должна присутствовать смешанная экономика (в %)*

	Должны управляться:					
	Государством		Частным сектором		И государством, и частным сектором	
	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.
Электростанции	88	85	2	2	9	12
Добыча нефти	75	78	4	3	21	19
Угледобывающая отрасль	74	74	4	4	21	21
Железнодорожный транспорт	82	73	3	3	14	23
Школы	68	72	3	4	28	24
Пенсионные фонды	75	71	1	3	23	26
Вузы	73	70	2	2	24	27
Металлургические заводы	70	70	5	5	25	25
Авиационный транспорт	69	69	4	4	26	26
Медицинское страхование	61	64	4	3	34	32
Больницы	55	54	2	4	42	41
Театры, музеи, библиотеки	57	49	5	7	38	43
Строительство и предоставление жилья	39	45	7	5	55	50
Телефонная связь	57	43	6	8	37	48
Эксплуатация жилищного хозяйства	42	44	10	11	47	45
Банки	45	44	6	6	48	49
Дорожное строительство	40	41	10	9	49	49
Телевидение	40	37	7	10	52	53
Сельскохозяйственные земли	42	37	16	10	42	52
Радио	41	35	7	10	51	54
Производство продуктов питания	23	33	16	11	61	55
Газеты	34	28	9	11	57	60

* Проранжировано в порядке убывания доли стремившихся в 2007 г. видеть доминирование государства в соответствующей отрасли. Жирным шрифтом выделены позиции, по которым за годы, прошедшие между опросами, изменения превысили 5%.

ное следствие не только господства определенной социокультурной модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека в их сознании, но и характерной для них системы представлений о приоритетах и основных субъектах экономического развития страны.

Во всяком случае, данные всех наших исследований позволяют говорить об устойчивом *тяготении россиян к смешанной экономике с сильной регулирующей ролью государства и его доминирующим присутствием в большинстве отраслей*. По их мнению, *все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства*. Причем применительно к части отраслей (сырьедобывающие отрасли, энергетика, высшее образование, железнодорожный транспорт и пенсионное обеспечение) этой позиции придерживаются три четверти населения, а по электростанциям и нефтедобывающим предприятиям число сторонников чисто государственной собственности доходит даже до 85 и 78%, соответственно.

Как видно из таблицы 4, *в основе своей взгляды россиян на проблему присутствия государства в экономике за последние 10 лет изменились незначительно, и ровно половину отраслей они хотели бы видеть только государственными*. В остальных они хотели бы в массе своей видеть сосуществование государственного и частного секторов.

Мнения различных возрастных когорт о том, какие отрасли должны управляться государством (2007 г., в %)*

Отрасли	Возрастные когорты				
	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
Электростанции	78	81	86	89	87
Школы	74	73	69	70	74
Вузы	73	70	68	70	72
Железнодорожный транспорт	69	74	71	72	78
Пенсионные фонды	68	68	70	70	79
Добыча нефти	65	73	81	81	85
Угледобывающая отрасль	62	69	78	78	79
Авиационный транспорт	62	68	68	70	76
Металлургические заводы	61	64	73	72	77
Медицинское страхование	56	63	64	64	69
Больницы	49	53	54	52	63
Театры, музеи, библиотеки	44	50	49	50	52
Эксплуатация жилищного хозяйства	41	44	41	42	52
Банки	40	40	44	45	50
Строительство и предоставление жилья	40	44	43	44	53
Дорожное строительство	38	39	41	42	44
Телефонная связь	34	40	45	45	50
Сельскохозяйственные земли	34	36	34	37	43
Телевидение	34	31	37	37	45
Радио	30	30	37	34	45
Производство продуктов питания	30	31	30	33	41
Газеты	26	25	29	29	34

* Проранжировано в порядке убывания доли стремящихся видеть монополию государства в соответствующей отрасли в младшей возрастной группе. Жирным шрифтом выделены позиции, по которым наблюдаются качественные различия между разными возрастными группами.

При этом из 22-х позиций всего по 7-ми (железнодорожный транспорт, учреждения культуры, строительство и предоставление жилья, производство продуктов питания, телефонная связь, радио и газеты) разница между соответствующими показателями за десятилетие изменилась более, чем на 5%. По строительству жилья и производству продуктов питания позиции россиян ужесточились, что, видимо, связано с собственным печальным опытом невозможности решить жилищную проблему рыночными способами и подорожанием в последнее время продуктов питания. Во всяком случае, в 2004 г. эти позиции не вызывали такой реакции, так что это ужесточение носит скорее ситуационный характер, чем отражает глубинные мировоззренческие изменения.

В то же время по поводу радио, газет и, особенно, телефонной связи, взгляды россиян за последние годы заметно смягчились. Что касается СМИ, то многие, видимо, убедились за эти годы в плюсах сосуществования и государственных, и частных медиа. Кроме того, россияне в большинстве своем оставляют за государством право пресекать деятельность СМИ, если она идет вразрез с государственными интересами. Таким образом, с их точки зрения, СМИ могут быть как государственными, так и частными, но и частные СМИ должны действовать в русле государственной политики. Что же касается телефонной связи, то бурный рост сторонников сосуществования в этой области предприятий разных форм собственности – заслуга столь же бурного развития мобильной телефонии за последние годы. Общее видение распределения государственного сектора и смешанной экономики по отраслям достаточно консенсусно в разных возрастных группах (см. табл. 5).

Рис. 1. Динамика взглядов россиян 16–25 лет на то, какие отрасли должны управляться государством (1998–2007 гг., в %), отранжировано по нарастанию разрыва в оценках; приведены только отрасли, динамика взглядов молодежи по которым за период 1998–2007 гг. насчитывала не менее 10%.

Как видно из таблицы, хотя взгляды разных возрастных когорт количественно заметно различаются, большинство в каждой возрастной когорте практически по всем отраслям занимает одинаковые с другими когортами позиции. Качественные различия между россиянами разных возрастов касаются всего двух пунктов – больниц и учреждений культуры. Несколько особняком стоят эксплуатация жилищного хозяйства, банковская сфера, строительство жилья и телефонная связь, по которым заметные отличия характеризуют прежде всего старшую возрастную когорту. Что касается всех остальных отраслей, то по ним наблюдается единодушие большинства во всех возрастных когортах.

Сравнение данных исследований 1998 и 2007 гг. также свидетельствует о том, что нынешняя молодежь, несмотря на ее первичную социализацию уже в период реформ, отнюдь не стала от этого меньшим сторонником доминирования государственной формы собственности в основных отраслях экономики. Показатели младших возрастных когорт образца 1998 и 2007 гг. колеблются незначительно, и хотя по некоторым позициям, например телефонной связи, наблюдается значительный рост сторонников негосударственного сектора в этой отрасли в составе молодежи, по большинству других наблюдается даже ужесточение ее позиций (см. рис. 1).

Как видим, наиболее серьезные изменения взгляды молодежи претерпели по тем отраслям, с которыми они в наибольшей степени сталкиваются "в быту", – система образования, жилье и ЖКХ, питание и т.п. По всем этим позициям молодежь "образца 2007 г." чаще хотела бы видеть их чисто государственными, чем молодежь "образца 1998 г.". Конечно, это свидетельствует прежде всего о недовольстве молодежью ситуаций в этих сферах и в этом смысле – "ситуационности" соответствующих тенденций. Однако здесь чрезвычайно наглядна иллюстрация того, что социализация в условиях рыночной экономики сама по себе отнюдь не ведет к изменению модели мировосприятия вообще и модернизации экономических воззрений в частности.

Таким образом, независимо от возраста, впрочем, и от таких факторов, как место жительства, профессиональный статус, образование и т.д., основная масса россиян предпочитают видеть доминирование государственной собственности с соответствующей системой государственных гарантий в большинстве отраслей. Из этого вытекает и тяга большинства населения к возвращению государства в сферу

Рис. 2. Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира (в %); данные по Великобритании, Германии и США здесь и далее приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1997 и 1999 г.; данные по России для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не по возрастным когортам до 65 лет.

Рис. 3. Отношение к неравенству доходов граждан разных стран мира (в %).

экономики, совпадающая со стремлением определенных групп в элитных кругах максимально расширить государственный сектор (хотя и в иных отраслях, чем это кажется приоритетным большинству россиян). Не случайно 75% россиян сейчас считают, что следует расширить долю государства в бизнесе и промышленности, и лишь 25% – что следует расширить долю в них частного сектора. В то же время, согласно исследованию World Value Survey (WVS) 1999 г., например, в Германии, с ее и без того гораздо более мощным, чем в России, частным сектором, последней точки зрения придерживаются свыше 60% (в западных землях около трех четвертей населения, в восточных – более половины), а в США – свыше 80% (см. рис. 2).

Таким образом, именно качественно иное понимание роли государства как субъекта экономики, а не пресловутая тяга россиян к уравнительности, мало чем отличающаяся от картины в развитых странах с многовековой традицией существования рыночных экономик индустриального типа (см. рис. 3), выступает наиболее характерной особенностью их экономических воззрений в настоящее время.

На рисунке 3 видно, что для России уравнивательные тенденции характерны даже в меньшей степени, чем для Германии или Великобритании, где и динамика положения населения совсем иная, и глубина экономических неравенств не носит такого катастрофического характера, как в России.

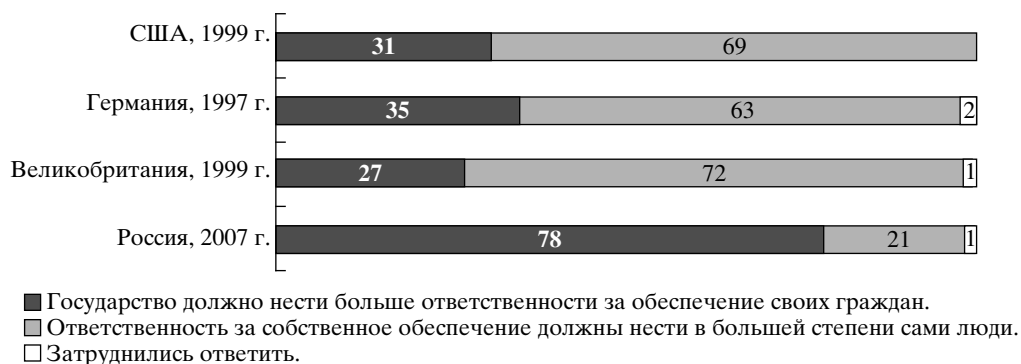

Рис. 4. Распределенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира (в %).

Оборотной стороной той модели, где государство выступает основным субъектом экономики (и именно это, а не то, плановая это экономика или рыночная, и выступает в данной модели самым главным), являются массовые ожидания поддержки с его стороны. Таким образом, мы имеем здесь дело не просто с патернализмом, а с так называемыми патрон-клиентскими отношениями, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права в обмен на делегирование ему ответственности за положение его граждан (см. рис. 4).

В то же время, по другим компонентам их экономических воззрений (убеждениям, что конкуренция – это хорошо, так как стимулирует людей напряженно работать, что упорный труд обычно обеспечивает человеку относительно лучшую жизнь, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет роста благосостояния всего общества, а не за счет ухудшения положения других людей, и т.д.) наши сограждане мало отличаются от жителей старой Европы, а например, с жителями Германии просто очень близки.

Учитывая это обстоятельство, рассмотрим динамику взглядов россиян, касающихся двух принципиальных моментов, которые отличают их "экономический менталитет" от взглядов на базовые принципы развития экономики жителей старой Европы и США. Речь идет о моментах, прямо связанных с незавершенностью процессов социокультурной модернизации в России, – о распространенности патерналистских ожиданий и представлениях о роли государства в экономике. Если посмотреть тенденции, характеризующие положение в этой области, пользуясь данными World Value Survey 1990, 1995, 1999 гг. и исследования Института социологии РАН 2007 г., то видно, что динамика ситуации с так называемым патернализмом и с восприятием роли государства качественно различается. Это свидетельствует, с одной стороны, об *идушем разложении традиционалистской модели сознания в ее характерном для России варианте*, а с другой – о *сложностях и подчас даже возвратно-поступательном характере эволюции взглядов россиян*. Во всяком случае, анализ показывает, что так называемые *патерналистские ожидания – не константа национального самосознания, а во многом спонтанная реакция на ситуацию, складывающуюся в стране*.

Так, в 1990 г. доминирующим (55%) было убеждение, что ответственность за самообеспечение в большей степени должны нести сами люди. Однако возникновение условий, при которых большинство населения мало что могут сделать из-за внешних структурных ограничений, привело к тому, что вектор отношения к этому вопросу сменился на прямо противоположный, и патерналистские ожидания к 2007 г. выросли в полтора раза (с 45 до 69%). Причем эти ожидания доминируют сегодня во всех без исключения возрастных когортах и даже в группах 16–25-летних их разделяют 56%. В то же время, еще несколько лет назад патерналистские ожидания начинали доминировать у респондентов лишь начиная с 27–28 лет, то есть в период, когда у них обычно появлялись дети и многим становилось уже не под силу самостоятельно решить свои проблемы.

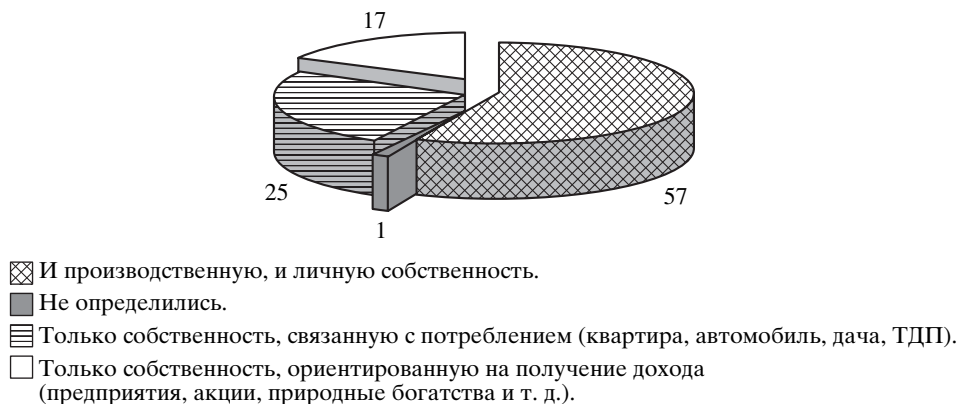

Рис. 5. Что россияне подразумевают под частной собственностью (2005 г., в %).

Совсем иная ситуация складывается с *ролью государства в экономике*. Это действительно самая характерная особенность экономических воззрений россиян, которая устойчиво доминирует в их сознании весь период наблюдений. И хотя в 1990 г. 48% (при 24% в 2007 г.) полагали, что следует расширить частный сектор в экономике, но относилось это не к стремлению людей видеть этот сектор доминирующим (напомню – в тот период частный сектор был представлен лишь немногочисленными малыми предприятиями и кооперативами в сфере торговли и услуг), а к желанию большинства россиян видеть сосуществование государственного и частного сектора в отдельных отраслях при доминирующей роли государственного сектора. Большинство же респондентов тогда считали, что того незначительного объема мелких кооперативных и малых предприятий, которыми был представлен в тот период частный сектор, для страны вполне достаточно.

Таким образом, с одной стороны, россияне положительно относятся к частной собственности, и их толерантность к ней непрерывно растет. С другой же стороны, учитывая их весьма специфическое представление о роли государства в экономике, рыночную экономику они понимают не так, как она обычно понимается в развитых западных странах. В этой связи возникает вопрос: что подразумевают россияне под частной собственностью, насколько их понимание отличается от характерного для населения современных обществ? И является ли для них право собственности священным или государство имеет в их глазах легитимное право в любой момент изъять любую собственность? Отвечая на эти вопросы, надо отметить прежде всего несколько обстоятельств (подробнее см. [Собственность... 2006]). Во-первых, это факт, что большинство населения понятие частной собственности относят к собственности, связанной не только с производством, но и с потреблением. Причем *собственность для россиян – не любой объект соответствующего права, а нечто материальное, прежде всего различного рода недвижимость*. В этом отношении весьма характерно, что даже крупная сумма денег в меньшей степени ассоциируется у них с частной собственностью, чем телевизоры, холодильники и мебель⁵ (см. рис. 5).

⁵ Как оказалось, спектр представлений россиян о том, что они имеют в виду под частной собственностью, достаточно широк: 73% под частной собственностью подразумевают квартиру, 66% – дачу, 65% – земельный участок, используемый для собственных нужд, 51% – земельный участок, используемый для товарного производства, 48% – акции предприятий, 44% – сами предприятия, 43% – товары длительного пользования, 37% – крупную сумму денег (при этом крупная сумма денег для россиян ассоциируется скорее с потреблением, чем с ее использованием для получения дохода, что отражает сравнительно малое распространение среди них инвестиционного типа мышления), 16% – природные богатства.

Рис. 6. Какие виды частного бизнеса, с точки зрения россиян, имеют право на существование и защиту в условиях России (2005 г., в %). Допускалось несколько ответов.

Учитывая столь неоднозначную картину восприятия россиянами частной собственности, более ярким индикатором специфики их экономических воззрений выступает отношение к развитию частного бизнеса. В принципе, как уже отмечалось, предпринимателей россияне воспринимают весьма толерантно, для большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту в условиях России. Однако верно это лишь при определенных условиях (см. рис. 6).

Как видим, *россияне выступают сторонниками прежде всего законопослушного и экономически эффективного малого и среднего бизнеса*. Что же касается крупного бизнеса, то к нему отношение весьма скептическое. При этом, хотя в целом они поддерживают развитие частного бизнеса, но оговаривают его существование и развитие целым рядом условий, связанных, в первую очередь, с его поведением: 64%, то есть три четверти тех, кто в принципе допускают развитие частного бизнеса в России, оговаривали в качестве условия его поддержки обществом и государством именно поведение самого бизнеса. Доля же безоговорочно поддерживающих развитие любого, в том числе крупного бизнеса, составляет всего 11%. Посмотрим теперь, насколько и в чем может быть свободен частный собственник с точки зрения россиян и каковы по отношению к нему права государства.

Как видно из рисунка 7, в тех случаях, когда речь идет о реальных предпосылках существования общества, задевающих интересы всех или многих его членов (доступность лесов и водоемов, богатства недр, экологический ущерб от деятельности предприятий и т.д.), россияне однозначно выступают за контроль государства, который в их понимании означает, что государство – реальный хозяин соответствующего вида собственности. И в этом смысле понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу и частной собственности в 2007 г., как и в 1998 г., около 80% респондентов были убеждены, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать.

Когда же речь идет о правах собственности, относящихся к частной жизни граждан, то россияне в подавляющем большинстве своем твердо убеждены, что государство не имеет право вмешиваться в права собственника. Причем позиция эта не зависит от реального владения соответствующим видом собственности, относясь скорее к своеобразному российскому пониманию *privacy*.

Рис. 7. По каким видам собственности, с точки зрения россиян, государство должно иметь право ограничивать права собственников (2005 г., в %). Допускалось несколько ответов.

При этом они понимают святость права собственности, в первую очередь, как право бесконтрольно и без ограничений ею распоряжаться, то есть не просто иметь ее "по документам", которые для них в этом смысле не очень важны, а быть ее реальным хозяином, иметь признанное сообществом право пользоваться и распоряжаться ею. В этом плане подход к собственности как к зоне свободы нашел в русском фольклоре отражение в пословице "Хозяин – барин", выражающей представление о праве человека делать со своей собственностью все, что он захочет – "его воля". Фактически понимание россиянами собственности в этом плане очень близко к той ее трактовке, которая в экономической и социологической науках увязывает собственность и власть, рассматривая собственность как разновидность экономической власти, на первый план отношений собственности выводя свободу принимать решения относительно нее и с ее помощью реализовывать свои интересы. Более того, само по себе наличие собственности тесно связано для россиян со свободой человека – практически три четверти считают, что собственность – важнейшее условие свободы, в то время как сторонников точки зрения, что она закабалает человека, только чуть больше четверти населения.

Однако россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус. Это проявляется в разнице их отношения к долгам частным лицам и к невыплатам кредитов или к покупке краденых вещей в отличие от приобретения нелегальных дисков и т.п. Здесь, конечно, перед нами совсем не "западное" мышление, мотивированное уважением к "собственности вообще", где в основе права собственности, как и во всех обществах модерна, лежат юридически закрепленные права на те или иные ее, в том числе нематериальные, объекты.

Как справедливо заметил в этой связи А. Андреев, главный позитивный персонаж российского экономического мышления не столько "собственник", сколько "хозяин". И полномочия хозяина, который является не собственником в формально юридическом смысле, а человеком, чье право на соответствующее имущество ратифицировано традицией и морально-этическим сознанием окружающих, у россиян не вызывают сомнений [Андреев, 2006].

В этом плане очень интересно, какие ограничения существуют в общественном сознании по поводу того, кто может быть владельцем собственности. Как оказалось, первое и важнейшее ограничение, существующее в сфере владения собственностью для россиян, связано актуальным для проблематики социокультурной модернизации противопоставлением "мы" и "они", и относится оно к праву иностранных компаний и граждан иметь собственность на территории России.

Если речь идет об отдельных людях, то значительная часть (хотя и меньшинство!) россиян не против наличия у них в собственности квартиры (38%), используемого для собственных нужд земельного участка (29%) и даже акций предприятий (19%). Однако превращения "иностранного дяди" в хозяина реальных средств производства россияне в массе своей твердо не хотят, будь то земля или предприятие. Что же касается инфирм, то по отношению к ним россияне наиболее толерантно относятся к возможности наличия у них в собственности именно предприятий (28%) и их акций (25%). При этом они категорически против передачи в собственность иностранцев природных богатств страны, в особенности – ее недр (95–98%), а 55% – и противники наличия у иностранцев любой собственности на территории России.

Второе допустимое для россиян ограничение связано с тем, что и у кого может находиться в частной собственности. Оно обусловлено характером самого объекта собственности. Есть две полярные группы видов собственности, относительно которых у россиян существует практически полное единодушие. Первая группа включает в себя земельные участки, используемые для собственных нужд (93%), жилье (92%) и, в несколько меньшей степени, крупные суммы денег (65%), собственниками которых, с их точки зрения, должны быть отдельные люди. Вторая группа включает в себя земли для производства сельхозпродукции на продажу, акции предприятий и сами предприятия, по отношению к которым допускается примерно в равной степени собственность на них и отдельных людей, и коллективов, и государства. Что же касается всех видов природных богатств (от лесов до недр), а также всех транспортных коммуникаций, то их собственником россияне единодушно (92–97%) видят только государство.

В этой связи надо сказать, что во всех наших исследованиях, где ставился вопрос об отношении к природным богатствам страны, россияне исключительно последовательно настаивали на том, что государство должно быть собственником не только природных ресурсов, но и природных комплексов и объектов природы. Единственное исключение, которое они делали из этого правила, – земли сельскохозяйственного назначения. Причем отношение к последним зависело от множества факторов, и в целом закономерность в этом вопросе прослеживается следующая. Если люди могут хотя бы теоретически сами что-то получить от наличия такого рода собственности в частных руках, то больше приветствуется индивидуальная (в меньшей степени – коллективная) собственность на сельскохозяйственные земли. Если же этот вопрос носит для респондентов абстрактный характер, то они руководствуются, скорее, идеологическими соображениями, и тогда основными противниками частной собственности на землю выступают представители старших возрастов и социальные аутсайдеры.

Та же тенденция фиксируется в отношении частной собственности на акции предприятий и на сами предприятия. Признавая, что частная собственность на предприятия нужна, большинство предпочитают, чтобы эта собственность носила "размытый", обезличенный характер и не ассоциировалась с определенным "хозяином". Однако эта установка носит скорее идеологический характер, чем связана с конкретными интересами. Во всяком случае, работающие на вновь созданных частных предприятиях однозначно ориентируются на наличие конкретного хозяина предприятия (45%), а не на принадлежность его группе лиц (28%) или государству (27%), при том что к вопросу о собственности на акции предприятия они относятся в целом так же, как и остальные.

Таким образом, судя по эмпирическим данным, прогноз Ахиезера о роли прагматизма и утилитаризма как фактора, который будет в новых условиях размывать традиционалистское сознание, успешно подтверждается. О растущем прагматизме и утилитаризме сознания россиян свидетельствуют и данные опросов Лапина.

В целом, подводя итоги этого поневоле краткого рассмотрения особенностей экономического сознания россиян, нужно зафиксировать три краеугольных обстоятельства. Это прежде всего *незавершенность процессов социокультурной модернизации в данной сфере*. Проявления ее достаточно многообразны, и важнейшие среди них – специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на своих и чужих с соответствующим недопущением "чужих" к значимым условиям существования сообщества, особенностям восприятия частной собственности и прав частного бизнеса, значимость морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности, господство неформальных вертикалей в противовес формальному функциональному распределению полномочий по линии руководитель – подчиненный и т.д.

Второе же обстоятельство, обусловленное спецификой именно российской модели развития, связано с *легитимностью всевластия государства и его особой ролью в экономике, позволяющей говорить о том, что этакратическая модель развития с характерной для нее сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой общественного сознания*. Право государства на ограничение прав частных собственников (но только в части собственности на средства производства) вплоть до прямого изъятия этой собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением и т.д. – лишь некоторые следствия господства в общественном сознании этакратической модели развития как нормы.

Наконец, если говорить о динамике развития экономического сознания россиян, то можно уверенно утверждать, что *ни переход к рыночной экономике сам по себе, ни социализация в новых условиях поколений, родившихся уже в годы "перестройки" и реформ, не привели к разрушению традиционалистского по сути экономического сознания. Более того, последние годы продемонстрировали скорее своего рода ренесанс этой модели*.

Однако процессы разложения традиционалистской модели сознания отнюдь не связаны исключительно с экономическими факторами. Что можно сказать о динамике разложения в России традиционализма, если обратиться к данным о неэкономических аспектах мировосприятия россиян? Об этом в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. Восприятие собственности в контексте ценностных ориентаций россиян // *Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян*. М., 2006.
- Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация СССР. М., 1998.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5.
- Плискевич Н.М. "Власть-собственность" в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. 2006. № 3.
- Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. М., 2006.
- Тихонова Н.Е. Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.
- Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1.
- Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6.
- Тихонова Н., Аникин В., Горюнова С., Лежнина Ю. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX–начала XX вв. // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007^а. № 24.
- Тихонова Н., Аникин В., Горюнова С., Лежнина Ю. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX в. // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2007^б. № 25.